

Путеводитель по миру мертвых
в мире живых составили:

Джек Гельб,

Ида Мартин,

К.О.В.Ш.,

Лиза Белоусова,

Мария Гурова,

Тери Нова,

Рина Харос,

Яна Волкова,

Нелли Хейл,

Алекс Рауз,

Мария Новоселова

ПРИЗРАЧНЫЙ
ПОЦЕЛУЙ

**LIKE
BOOK**

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П75

Художественное оформление Анастасии Зининой

Иллюстрация на переплете *Катерины Вигдис*

Иллюстрации внутри блока *Анны Мамонтовой*

П75 **Призрачный** поцелуй / Джек Гельб, Ида Мартин, К.О.В.Ш. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-187038-6

Призраки, привидения, духи. Кто они, эти бесплотные отголоски прошлого?

Друзья ли это, не уходящие в свет до тех пор, пока не помогут решить проблему? Враги, желающие испортить жизнь, как когда-то испортили им? Возлюбленные, чьи чувства остались с ними даже после смерти? А может быть, это просто осколки сознания, что не в силах окончательно покинуть наш мир?

Писатели, которые носят своих собственных призраков внутри сердца, попытались ответить на эти вопросы в собранном гримуаре. Путеводитель по миру мертвых в мире живых составили: Джек Гельб, Ида Мартин, К.О.В.Ш., Лиза Белоусова, Мария Гурова, Тери Нова, Рина Харос, Яна Волкова, Нелли Хейл, Алекс Рауз, Мария Новоселова.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белоусова Л., текст, 2023

© Волкова Я., текст, 2023

© Гельб Дж., текст, 2023

© Гурова М., текст, 2023

© К.О.В.Ш., текст, 2023

© Мартин И., текст, 2023

© Нова Т., текст, 2023

© Новоселова М., текст, 2023

© Рауз А., текст, 2023

© Харос Р., текст, 2023

© Хейл Н., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187038-6

МАРИЯ
НОВОСЕЛОВА

ПРИЗРАКИ
В ОЖИДАНИИ
ГЕРОЕВ

1. Пять ассоциаций* со словом «призрак».

Летние сумерки, холодный ветер, скрип деревянных половиц, запах деревенских яблок, блики солнца в чашке с чаем.

2. Есть ли жизнь после смерти?

После смерти есть дорога. Каждый идущий по ней одинок, но иногда он может встретить на своем пути такого же путника и разделить с ним все чудеса, которые встретятся им на пути.

3. О чем эта история?

Эта история о девушке и ее призраке, о котором она забыла, когда выросла.

Говорят, что призраки оживают только ночами, их кожа сухая и пыльная, как страницы старых книг, а голоса подобны шороху паучьих лап. Говорят, что призраки злопамятны, и говорят, что они таятся в душе каждого, прямо позади желтых костей скелетов в шкафу. И еще говорят, что каждый уважающий себя писатель должен написать хотя бы одну историю о призраках, чтобы те не пугали его вдохновение. Но что, если призраки и вдохновение суть одно?

Мой призрак был старой картиной, нежившейся в лучах солнца, когда губы еще помнили сладкий вкус бабушкиной клубники, а руки зудели от укусов комаров. Много лет назад ее нарисовал покойный друг моего отца — опьяневший от безвестности и нищеты художник, имя которого стерлось из памяти столь быстро, словно его начертили веткой на песке.

Я любила эту картину так искренне, как это может делать только ребенок, не одурманенный страхом показаться глупым или смешным, хотя и сама не знала, почему она меня в себя влюбила. Попав в какую-то неприятную историю, одну из тех, которые не принято обсуждать в компании детей, художник расплатился ею с отцом, благодаря чему последний надолго стал предметом маминых шуток. Сама же картина была сослана в деревню, и лишь редкая

возможность вновь увидеть ее скрашивала мой вынужденный отдых там.

Рассохшаяся от времени деревянная рама обрамляла неказистый натюрморт: бутылка из-под вина цвета травы, сиротливо стоявшая на газете, заменявшей скатерть; горбушка черного хлеба и несколько переспелых фруктов, то ли персиков, то ли яблок, нарисованных так, словно художник отродясь не видел ни того, ни другого. Однако, как уже было сказано ранее, это история о призраке, и призрак действительно был.

Незатейливая прелесть первой картины блекла под блеском той, другой, что затаилась под кожей холста, не отягощенная тяжестью чужих насмешливых взглядов, но лишь одного восторженного — моего.

Бледная, с сине-лиловым отливом штора качнулась под порывом ветра, очертив контур молодой девушки, стремившейся внутрь комнаты. Шероховатые мазки краски ласкали пальцы, пробуждая в голове какие-то новые чувства, от которых нестерпимо начинал болеть живот. Уродливая незавершенность ее лишь сильнее разжигала огонь фантазии. Мой личный призрак, моя дева в беде звала меня из нарисованной глубины, покачивалась и мерцала под порывом сквозняка и шептала только одно слово: «Спаси». Но я не спасла ее, я про нее забыла. Да, рыцарь забыл про даму своего сердца. Его подвигом стала работа в офисе, а его драконом — избалованная собачка размером с подушку. Такая сказка возможна только в нашем мире. Вечерами я пыталась писать, но тут же зачеркивала написанное; пыталась вспомнить, но сама не знала что. Однажды, между сном и дремой, призрак вновь явился мне. У него был запах весеннего ветра, а его силуэт обрамляла старая тюлевая штора. Как и двадцать лет назад, он простер ко мне руки, и я ответила на его зов.

Сколько еще таких Муз бьются в плену на оборотных сторонах картин, между выхолощенными стерильными

МАРИЯ НОВОСЕЛОВА

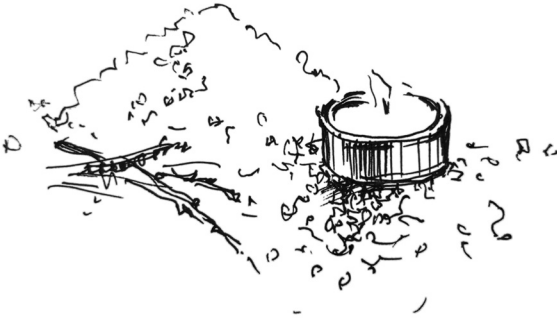
строчками книг, в одной-единственной искренней ноте посреди оттюнингованной фальши нового хита? Каким же будет мир, если их освободить? Хотела бы сказать, что знаю ответ, но я знаю лишь то, что готова отправиться на его поиски.

Белый щебень шуршит под старыми кедами, а спина ноет под тяжестью сумки, лямка которой нещадно врезается в плечо. Медленно, но верно я приближаюсь к знакомому дому, увенчанному красной крышей. Взбунтовавшийся ветер выдирает штору из окна, и она рвется ко мне навстречу, протягивая белые тюлевые руки. Я знаю, что мой призрак ждет меня наверху, укрытый тенями чердака; что время нещадно истерзало его прекрасный облик, да и глаза, что помнили его красоту, уже не те, что раньше. Но каждому писателю приходит время вновь встретиться со своим призраком, чтобы выпустить его из клетки; им обоим будет о чем поговорить в эту ночь.

МАРИЯ ГУРОВА

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Пять ассоциаций* со словом «призрак».
Память, причина, усталость, отягощение, обычай.

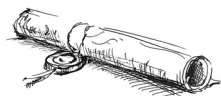

2. Есть ли жизнь после смерти?
Не могу быть уверена (иначе это было бы странно), но нет. Воспринимаю любую метафизику как сознательное, возможное только в пределах физической жизни.

3. О чем эта история?

«Приложение» — это история о наследии. Наследникам по праву достаются и чужие блага, и чужие долги. Только нам решать, боимся ли мы образов прошлого и хотим их изгнать или почитаем и помним. Хорошо, когда у нас получается понять их и найти для призраков то самое «лучшее место».

В девичьей загробного мира за прялками проводят века древнегреческая царевна, валькирия и средневековая дама. Как вышло, что ни одна из них не может покинуть комнату? И почему им нельзя говорить о возлюбленных?..

Пролог

Их просторная девичья была одарена всего двумя окнами, но высокими и светлыми, — на западе и на востоке. Обитательницы наблюдали восходы и закаты, а меж ними занимали дневные часы привычными делами: пряли, ткали и вышивали. Обжившись, они убрали комнату тремя видами звуков: грохотом ткацкого станка, разговорами и тихим дыханием, предваряющим сон. Станок гремел, опуская грузило, и будто ухал, как носильщик, скинувший тяжелые сумы ради передышки. Разговоры напоминали песни и были песнями. О былом легче пелось, чем говорилось, и потом — можно ли рассуждать спокойно о том, что уже никогда с тобою не сбудется? Когда и работа, и речь заканчивались, наступала тишина безвременья — отчетливо слышалась пустота места. Три девушки, которые жили здесь, провожали солнце: оно ныряло за вершины гор в западном окне. Потом они ложились спать и не видели снов. А наутро солнце карабкалось по небу, цепляясь лучами за взбитые облака, и с него летели золотые брызги прямо в водную гладь. Восточное море часто шумело, иногда успокаивалось, и тогда в нем плескалось еще одно светило, как близнец похожее на небесное. Впрочем, погода в обоих окнах не имела никакого значения: девушки не покидали девичьей и никого не ждали. Все три были некогда мертвы, а ныне живы в их огра-

МАРИЯ ГУРОВА

ниченном четырьмя стенами мирке. Не стоит о том грустить: они совсем не желали слез по себе и сами не предавались унынию — только воспоминаниям. Сознавая себя ныне мертвыми, девушки не ощущали тела ни бесплотными, ни неприкаянными, ни наказанными за прегрешения, ни одаренными за добродетели. Они в точности знали, сколько времени прошло с их смерти. Иногда ветра, которых одна из них называла Зефиром и Эвром, приносили им знания — бездоказательные и умозрительные, само собой разумеющиеся, которые производила на свет новая эпоха и сбрасывала всякий раз, как листву, сменяя взгляды. Отжившие листья долетали до их девичьей, врывались в окно и стелились у их светлых подолов. И тогда девушки снова заводили старые песни в надежде, что теперь они прозвучат иначе.

Эпизод I

ПЕСНЬ ОБ АЛЬДЕ

«Да не попустят бог с небесным сонмом,
Чтоб я жила, коль нет Роланда больше».
Пред Карлом дама, побледнев, простерлась,
Она мертва.

«Песнь о Роланде», CCLXVII

Немилосердная история разбросала лучших подруг по векам и землям, но, взглянув на души, смилостивилась и собрала их в странном месте, которое всем трем напоминала их девичьи. Они не помнили дней, когда жили бы здесь в одиночестве или в ином составе. Их бытность всегда являлась таковой, и триединство союза казалось единственно верным, хотя поначалу и непонятным: они долго искали причины распределения почивших людей в загробном мире. Упорно из века в век они рассказывали свои истории. Все три — Альда, Свава и Ифигения — при жизни были невестами великих мужей, чье сверхчеловеческое могущество прославило самих героев и каждого, кто имел честь стоять с ними рядом или даже против них. Вечную славу снискали их друзья, враги, отцы, мечи, кони и их возлюбленные. К счастью для троицы призраков, в девичьей собрали только последних. Ифигения суетилась слишком часто в нынешнем столетии, постоянно канючила как ребенок: «Давайте споем! Ну пожалуйста!» Она нервно теребила прялку — деревянную спицу с янтарной ступочкой — и твердила, что сейчас самое время говорить, а не наматывать нитки. Впрочем, Ифигении было простительно подобное поведение: хоть и царская дочь, а все же она была среди трех самой юной, если учитывать ее прижизненный возраст, в кото-